

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0740-3-435-449>

<https://elibrary.ru/ВНХУТХ>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Научная статья / Research Article

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

© 2023 г. А.В. Назарова

СМЕНА ГЕНДЕРНОГО «АМПЛУА» В РОМАНЕ Е.Н. ЧИРИКОВА «СЕМЬЯ»

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10100, <https://rscf.ru/project/19-78-10100/>) в ИМЛИ РАН

Аннотация: В статье рассмотрен роман Е.Н. Чирикова «Семья», ставший заключительной частью автобиографической тетралогии «Жизнь Тарханова» (1911–1924), где писатель воссоздал процесс духовно-нравственного становления интеллигента, чья молодость пришлась на рубеж 1880–1890-х гг. В этой книге Чириков одним из первых в отечественной литературе продемонстрировал возможность выбора персонажем-мужчиной альтернативного гендерного «амплуа», которое кардинально отличается от традиционной роли, предписываемой главному герою доминирующим в обществе представлением о маскулинности. Если в трех первых частях «Жизни Тарханова» Геннадий Тарханов переживает увлеченность революционными идеями, а затем разочарование в них и нащупывает свой путь в литературе, то есть его реализация происходит преимущественно во внешнем пространстве, то в романе «Семья» этот персонаж отказывается от достигнутого им высокого статуса известного литератора и общественного деятеля в пользу семьи, избирая традиционно «женскую» сферу самореализации. Тем самым Чириков показал, что «микромир» семьи одинаково значим для обоих полов и является единственной защитой в распадающемся

общественном «макромире», охваченном в начале XX столетия огнем войн и революций.

Ключевые слова: автобиографическая тетралогия, маскулинность, судьба писателя, тема семьи, трансформация гендерных ролей.

Информация об авторе: Анастасия Викторовна Назарова — кандидат филологических наук, преподаватель, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 119991 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3579-861X>

E-mail: raznastas@gmail.com

Для цитирования: Назарова А.В. Смена гендерного «амплуа» в романе Е.Н. Чирикова «Семья» // Фемининность и маскулинность в культуре модерна: Россия и зарубежье / отв. ред. В.Б. Зусева-Озкан. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 435–449. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0740-3-435-449>

© 2023. Anastasia V. Nazarova

CHANGING THE GENDER “ROLE” IN E.N. CHIRIKOV’S NOVEL *FAMILY*

Acknowledgements: The research was carried out with support of a grant from the Russian Science Foundation (project no. 19-78-10100, <https://rscf.ru/project/19-78-10100/>) at IWL RAS.

Abstract: The article considers E.N. Chirikov’s novel *Family*, which became the final part of the autobiographical tetralogy *The Life of Tarkhanov* (1911–1924), where the writer recreated the process of spiritual and moral development of an intellectual, whose youth came at the turn of 1880s–1890s. Chirikov was one of the first writers in Russian literature to demonstrate in this book that a male character can choose an alternative gender “role”, which is radically different from the traditional social role prescribed by the dominant idea of masculinity. In the first three parts of *The Life of Tarkhanov* Gennady Tarkhanov is passionate about revolutionary ideas, and then disappointed in them and tries to find his way in literature, i. e. his self-fulfillment takes place mainly in the external space, then in the novel *Family* this character renounces his high status of a well-known writer and public figure in favor of the family, that is, he chooses the traditionally “female” sphere of self-realization. Thus, Chirikov showed that the “microcosm”

of the family is equally important for both genders and is the only protection in the disintegrating social “macrocosm”, engulfed in the fire of wars and revolutions at the beginning of the 20th century.

Keywords: autobiographical tetralogy, masculinity, writer’s life, family theme, transformation of gender roles.

Information about the author: Anastasia V. Nazarova, PhD in Philology, Senior Lecturer, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, building 51, 119991 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3579-861X>

E-mail: raznastas@gmail.com

For citation: Nazarova, A.V. “Changing the Gender ‘Role’ in E.N. Chirikov’s Novel *Family*.” *Femininity and Masculinity in the Modernist Culture: Russia and Abroad*. Ex. ed. Veronika B. Zuseva-Özkan. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 435–449. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0740-3-435-449>

Возникший со второй половины XIX в. в сознании российского общества и литературе так называемый «женский вопрос» явился следствием значимых социально-экономических перемен, которые последовали за отменой крепостного права и ускорили «вхождение женщин в мир, ранее считавшийся “мужским”» [Воронина, с. 104]. Однако наравне с «женским» в указанный исторический период в социуме и искусстве так и не появился отдельный «мужской вопрос», хотя трансформация статуса женщины не могла не повлиять на традиционную роль мужчины в семье и обществе, поставив проблему формирования альтернативных форм маскулинности. Отсутствие на повестке дня разговора о «правах мужчин» объясняется тем, что, несмотря на усложнение общественных отношений в ходе социальной модернизации во второй половине XIX – начале XX в., мужчины по-прежнему оставались «господствующей силой общества» и продолжали пользоваться «институциональными привилегиями за счет женщин как группы» [Кон, 2002 а, с. 190], т. е. в глазах современников нуждались в эмансипации «не столь остро» [Гончарова, с. 45]. Однако и после 1917 г. сложившийся в предшествующие эпохи «тип гегемонной маскулинности» [Демидова, Потехина, с. 81] с такими традиционно приписываемыми ей атрибутами, как «физическая сила, напористость, эмоциональная сдержанность, соревновательность и склонность к лидерству» [Июффе, с. 53], не стал предметом осмысления в русской политике и искусстве. Несмотря на взятый новой властью курс на равноправие полов и стремление скорейшим

образом приобщить женщину к социалистическому строительству, советский строй, как и прежний царский, обладал «мужским лицом» [Скорнякова, с. 232].

Радикальные эксперименты большевиков в семейной сфере и новые гендерные установки, предполагавшие «равное участие обоих супругов в профессиональной деятельности» и, в отличие от патриархальной семьи, «совместное принятие решений» [Задворнова, с. 34], на деле обернулись втягиванием женщин «в сферу неженского труда», при этом быт по-прежнему оставался на их плечах: «никто не пытался “приучать” мужа к готовке пищи» [Пушкарева, с. 16]. В результате распределение семейных обязанностей между супругами оказалось неравномерным и свидетельствовало о попытке власти лишь «подогнать» женщин «к традиционному мужскому стандарту (все одинаково работают, все готовятся к труду и обороне, никаких особых женских проблем и т. д.)» [Кон, 2002 b, с. 231]. На женщин в советском государстве легла двойная нагрузка, мужчины же были обязаны прежде всего «зарабатывать средства на содержание семьи», тогда как участие в решении семейных проблем ожидалось от них «по мере возможности» [Задворнова, с. 33]. Таким образом, советская культура продолжила насаждать традиционное истолкование разницы полов, согласно которому мужчина может самореализоваться исключительно «на службе Родине» путем безоговорочного и самоотверженного участия в осуществлении государственных проектов, т. е. в «широком социальном пространстве» [Синельников, с. 14]. По сути же, он оказался фактически отчужден от семьи, ведь эта сфера не имела «к реальности “мужского мира” почти никакого отношения» и воспринималась представителями «сильного пола» как «часть женской роли», объект их «отеческой» заботы и покровительства» [Синельников, с. 14]. Соответственно, в «плену гендерных конструкций» в советское время остались как женщины, так и мужчины, вне зависимости от социального статуса в равной мере оказавшиеся «объектами манипуляций, осуществляемых всей системой патриархатной власти» [Синельников, с. 14].

Лишь с 1970-х гг. сначала в западном мире, а затем в СССР постепенно возникло осознание, что традиционно предписываемый мужчинам стиль жизни и обусловленные им психологические свойства вынуждают их платить «слишком высокую цену», которая включает в себя более низкий, чем роль матери, отцовский авторитет в воспитании детей, «поверхностные межличностные отношения, плохое здоровье, преждевременную смерть и др.» [Кон, 2002 a, с. 190]. Обозначившийся во второй половине XX в. «кризис маскулинности»

подтолкнул человеческое сообщество к осознанию, что «жестко культивируемый идеал настоящего мужчины» требует «радикального пересмотра» [Демидова, Потехина, с. 84], а семья и отцовство играют значимую роль в жизни представителей сильного пола.

Однако представляется, что уже в литературе первой четверти XX столетия можно обнаружить примеры интуитивного прозрения указанного вектора общественного развития. Так, процесс ослабления традиционной гендерной поляризации получил художественное отражение в творчестве русского писателя Евгения Николаевича Чирикова (1864–1932). В частности, переосмысление художником нормативного канона маскулинности можно обнаружить в его романе «Семья», который увидел свет в 1924 г. в Берлине и стал заключительной частью автобиографической тетралогии «Жизнь Тарханова».

Этот цикл романов был задуман писателем в начале 1910-х гг. и первоначально представлял собой трилогию: первая часть — роман «Юность» — появилась в 1911 г., вторая — «Изгнание» — в 1912-м, третья — «Возвращение» — в 1914-м. В трех первых книгах Чириков показал судьбу современника (его в первую очередь интересовала личность, наделенная творческим даром), на чью долю выпало нелегкое испытание — жить в переломную эпоху рубежа XIX и XX вв. Главный герой Геннадий Тарханов переживает увлеченность революционными идеями, а затем отрезвление от них, и нащупывает свой путь в литературе. Но в написанном спустя пятнадцать лет романе «Семья» писатель кардинально пересмотрел прежние итоги и выводы, практически полностью «поменяв идейный смысл написанного ранее» [Михайлова, Назарова, 2019, с. 44–59]. Если в середине 1910-х гг. писательская миссия виделась Тарханову (и Чирикову) достойной заменой революционных усилий по общественному переустройству, а литератор предстал в первую очередь народным заступником (что в целом согласовывалось с пронизывающей русскую словесность идеей о писателе как учителе жизни, пророке, пробуждающем чувства добрые, указывающем людям путь), то в эмиграции художник «отказался от предложенной национальным сознанием модели» [Михайлова, Назарова, 2022, с. 9–10]. В «Семье» перед читателем обнажаются суетность и даже антигуманность прежних идеалов главного героя и ложность его творческих устремлений, в результате чего на предписываемом Тарханову гендером жизненном «маршруте» происходит неожиданный поворот: он отказывается от писательства в пользу семьи, т. е. сознательно избирает «женскую», с обывательской точки зрения, сферу самореализации.

Отметим, что замысел будущей тетралогии возник у Чирикова под влиянием мировоззренческого перелома, который произошел в сознании писателя в середине 1900-х гг. Его повлекли за собой смерть матери, покинувшей мир после тяжелой болезни в 1904 г., отрезвление от политических иллюзий после поражения Первой русской революции, разрыв с горьковским книгоиздательством «Знание» в 1908-м и столкновение с коллегами по драматургическому цеху в 1909 г., получившее название «чириковский инцидент» [Михайлова]. Поддержкой и утешением в этот сложный период для Чирикова оказалась собственная семья — жена и пятеро детей, а пережитый внутренний кризис заставил писателя оглянуться на пройденный путь и подтолкнул к созданию своеобразного «отчета» о содеянном, которым и стала в итоге «Жизнь Тарханова». И хотя сам писатель не отказался от литературного труда, с этого момента в качестве основы его повседневного существования и творчества утверждаются не протест и социальная борьба, а осмысление народно-православных основ русской жизни и культуры и защита важнейших человеческих ценностей, одной из которых является семья.

«Мысль семейная» занимала важное место в произведениях Чирикова на всем протяжении творческой деятельности, трансформируясь с течением времени. В начале литературного пути главную цель своего творчества писатель видел в обличении темных сторон русской действительности, прежде всего царящих в русской провинции косности и беззакония. Заявив о себе как о продолжателе реалистических традиций литераторов-«шестидесятников», Чириков в ранней прозе неоднократно демонстрировал, что в столкновении с пошлостью и произволом, которые особенно сильны вдалеке от культурных центров, происходит необратимая ломка «ячейки общества». Рутинная и однообразная уездная жизнь и бытия незаметно подтачивают духовное единство супругов, превращая их в инертных, ограниченных обывателей и, как следствие, равнодушных сожителей, что показано в рассказах «Капитуляция» (1901), «Фауст» (1903), «Роман в клетке» (1902) и др. Причем критики сразу же отметили, что духовное омертвление «почти всегда выпадает на долю мужей» [Колтоновская, с. 101]. Женщины же выступают носительницами духовности, сохраняя стремление к иной, осмысленной и деятельной жизни. Вот почему, как ни парадоксально, Чириков сочувственно изображал протест героинь против угнетающей обыденности и скуки замужней жизни, даже если он выражается в таком радикальном шаге, как разрыв семейных отношений. Разрушение ставшей нежизнеспособной семейной ячейки казалось ему на раннем этапе творчества подчас

единственным способом одержать победу в столкновении с косной средой. Тем не менее «протестантки» в этой битве неизменно терпели поражение, что доказывает: главные стрелы критики писателя были направлены отнюдь не на семью как таковую.

Осмысляя причины житейского краха чириковских героинь, рецензенты обнаруживали их не только в обстоятельствах, которые эти женщины не сумели преодолеть, но и в неверии самого автора в то, что «эти стонущие, раненые души когда-либо победят» [Измайлов, с. 185]. Однако представляется, что позиция писателя была иной: Чириков стремился показать читателю, сколь страшна жизнь в духовном плену. И трагический финал женских судеб звучал упреком современному обществу, безжалостно калечащему живые души и превращающему брак в тюрьму для обоих супругов.

Особое звучание тема семьи приобрела в произведениях Чирикова, созданных в годы Гражданской войны и эмиграции. Писатель безоговорочно разделял взгляд Л.Н. Толстого, который в «Войне и мире» показал, что найти убежище от страшной и разрушительной действительности войны человек может только в лоне семьи. Однако, рисуя в прозе 1920-х гг. «трагедию беженства», тот крестный путь скитаний, который вынужден был пройти, спасаясь от красного террора, он сам и миллионы его соотечественников, художник ярко продемонстрировал, что послереволюционные события в России едва ли не полностью обесценили эту толстовскую мысль. В романе «Зверь из бездны» (1926) Чириков нарисовал картину почти полной девальвации супружеских и родительских связей, показав на примере семьи Паромовых, как ворвавшиеся в их жизнь чудовищные обстоятельства против воли превращают буквально каждого ее члена в палача своих родных и близких. В условиях повсеместно царящих насилия, безнаказанности и паники психика даже самого благородного и любящего человека не выдерживает нагрузки, и его нравственность оказывается всецело зависима от обстоятельств, которые не позволяют ему сделать правильный выбор и сохранить душу.

Тем не менее художник настойчиво искал средство, которое позволило бы людям исцелиться от поразившего их недуга ненависти и способствовало бы их единению. Он верил, что возможность нравственного перерождения человека существует, и в книге «Мой роман» (1926) показал, что его залогом вновь оказывается именно семья. Однако теперь в ее основе Чириков видел духовный союз мужчины и женщины, основанный не на страсти и плотском вожделении, а на целомудренной, братско-сестринской любви, которой, по его убеждению, под силу распутать даже самые сложные узлы

человеческих отношений. И несмотря на то, что в «Моем романе» такой союз двух беженцев — Ивана Петровича и Вероники — не выдерживает ударов неумолимой судьбы, именно он остается идеалом художника. Писатель неизменно верил, что любовь в высшем, почти мистическом смысле в будущем поможет людям преодолеть раздор и национальную рознь. Тем самым в зрелом творчестве Чирикова, вершиной которого станет пятитомная семейная хроника-эпопея «Отчий дом» (1929–1931), понятие семьи выходит за рамки привычного понимания и становится глубоким и многозначным символом, который включает в себя не только кровные связи, отчий дом, родовую память, повседневный бытовой уклад и традиции, но и саму Россию, ее историю и культуру ее народа. По этой причине в глазах художника семья в равной степени является «полем деятельности» как женщины, так и мужчины. И в заключительной части «Жизни Тарханова» главный герой постепенно приходит к этому пониманию, однако путь к нему оказывается долгим и болезненным.

Спустя пятнадцать лет после описанных в «Возращении» событий Геннадий Тарханов предстает известным литератором и видным общественным деятелем, а также отцом большого семейства. И хотя на первый взгляд кажется, что герой сумел вполне успешно реализоваться в традиционной мужской роли, это впечатление предстает лишь видимостью, так как Тарханова начинает мучать «непрощенный “бабий вопрос”»: «Счастлив ли я?» [Чириков, с. 311]. Оглядываясь на прожитые годы, он не только не чувствует удовлетворения и гордости за достигнутое, но, напротив, изнывает от необъяснимой тоски и желания «упасть наземь и зарыдать» [Чириков, с. 311]. Размышляя о причинах своего уныния, он неожиданно для себя осознает, что все это время жил как «в кинематографе» [Чириков, с. 290] — не настоящей, а выдуманной жизнью. Литературный труд, точнее, сопутствующая ему окололитературная суэта — участие в различных заседаниях, комиссиях, вечерах — целиком поглотила его внимание и интерес, в результате чего он занимался творчеством, по сути, «урывками» и неосознанно обманывал читателей, которые в течение многих лет «пишут письма из самых глухих уголков провинции, называют его “своим любимым”, спрашивают у него совета, как жить и что делать» [Чириков, с. 291]. Тарханов с горечью констатирует, что не знает ответа на этот вопрос.

В силу специфики творческого процесса литераторы, как убежден герой, «сами не живут», а лишь отражают жизнь «на некотором экране, и экран начинает им заменять подлинную жизнь» [Чириков, с. 297]. В действительности же Геннадию «некогда подумать

о том, как самому-то надо жить» [Чириков, с. 291]. Вот почему в какой-то момент он с изумлением осознает, что не заметил, «как выросли дети, как появились седые волосы», как любимая жена «из молоденькой <...> женщины превратилась в красивую даму средних лет» и «вышла из центра его жизни» [Чириков, с. 290]. Сделанные открытия заставляют Тарханова усомниться в правильности избранного писательского поприща, что рождает в его душе отчаяние, справиться с которым он надеется в кругу семьи. С этой целью герой отправляется с семейством на Волгу в родовое имение, где, как он мечтает, сможет привести «свою душу в порядок», а главное, «будет принадлежать только себе и близким» [Чириков, с. 296].

Однако в пути Тарханова ожидает новое потрясение, поскольку, наблюдая во время поездки за отпрысками, он приходит к мысли, что стал едва ли не чужим собственным детям и теперь вынужден буквально заново знакомиться с ними. Разговоры с сыновьями и дочерью убеждают Геннадия, что он ничего не знает об их духовной жизни и виноват в этом сам, ведь когда кто-то из детей подходил к нему с вопросами, он «невнимательно пропускал их мимо ушей или отделялся шутками и “двумя словами”», потому что всегда было «некогда» [Чириков, с. 295]. Читателю даже может показаться, что на формирование детей Тарханова больше повлияли прочитанные ими книги, нежели отцовское участие, тем более что сочинения родителя в круг литературных интересов его детей не входят. Напротив, произведениям Тарханова они предпочитают «“зловредные” для юношества» [Чириков, с. 295], по его мнению, романы и повести, среди которых «Ключи счастья» А.А. Вербицкой, «Санин» М.П. Арцыбашева, «Гнев Диониса» Е.А. Нагордской, «Яма» А.И. Курпина, «Пан» К. Гамсуна и другие бестселлеры начала XX в., имеющие скандальный шлейф. Эта подробность усиливает у читателя впечатление полного отсутствия духовной связи между отцом и детьми, ведь книги Геннадия наполнены протестом против социальной несправедливости и идеей долга перед народом.

В то же время с помощью упоминания подобной литературы Чириков стремился показать воцарившуюся в русском обществе конца 1900-х – начала 1910-х гг. интеллектуальную и культурную атмосферу духовного тупика, в которой происходит взросление молодого поколения Тархановых. Если молодость их отца пришлось на годы расцвета радикальных революционных организаций, чья деятельность, направленная на принуждение царского правительства к демократическим реформам, получала одобрение социума, то сыновья и дочь Геннадия умственно и психологически формируются

в обстановке общественного разочарования в политической борьбе, наступившей после поражения Первой русской революции. И хотя молодежь активно участвует в идейных спорах и стремится «к разрешению всех проклятых вопросов человека и человечества» [Чириков, с. 310], она равнодушна к мировоззренческим ценностям отца и даже откровенно отрицает их, а сам Тарханов предстает в глазах детей не просто неким ископаемым, исповедующим потерявшие актуальность либеральные идеи, а едва ли не «идеологом мелкой буржуазии» [Чириков, с. 309]. В результате Геннадию кажется, что семьи, на которую так хочется опереться, нет, так как в ней царит глубокий раскол, преодолеть который ему не представляется возможным.

Наиболее сильным оказывается отчуждение между Геннадием и его старшим сыном Владимиром, в разговорах с которым отец наталкивается на «постоянную оппозицию» и «обидный скептицизм» [Чириков, с. 302] по отношению к своим словам и убеждениям. Причиной такой холодности становятся разные политические убеждения сына и отца, хотя оба на первый взгляд принадлежат к одному — левому — лагерю. Но если Владимир разделяет идеологию большевиков, то Геннадий в юности принадлежал к народническому движению, а ныне называет себя просто «диким» социалистом, не признающим никакого партийного «ошейника» [Чириков, с. 309]. Главное же расхождение между ними заключается в том, что отец категорически не приемлет стремлений сына разрушить до основания «старый буржуазно-христианский мир», на месте которого Владимир и его единомышленники планируют в будущем воздвигнуть «храм свободного и прекрасного человека» [Чириков, с. 507]. И более всего отталкивает Геннадия отношение сына к народу, которому в его построениях отведена всего лишь роль материала для осуществления грандиозного социально-политического эксперимента. Эта сюжетная коллизия, с одной стороны, помогает Чирикову продемонстрировать, как легко идейные разногласия могут сделать непримиримыми врагами даже самых близких, связанных кровными узами людей, а с другой, поставить перед читателем вопрос о родительской ответственности за нравственное развитие детей. И хотя Геннадий убежден, что дурными его отпрыски быть не могут, потому что около них всегда была мать, которая «твердо различает добро и зло» [Чириков, с. 346], постоянные столкновения с сыном заставляют героя задуматься над тем, какое наследие он оставит после себя, какие взгляды он привил детям (а в их лице всему молодому поколению России).

Чтобы ответить на этот вопрос, писатель предпринимает оригинальный ход, превратив Владимира и других детей Тарханова в своеобразных двойников отца, «исполняющих» те роли, которые когда-то в молодости «играл» их родитель. Тем самым в романе «Семья» сквозь судьбы сыновей и дочери в сжатом виде повторно «прорастает» история жизни их отца с арестами, пребыванием в тюрьме, напряженными спорами с идейными противниками и разочарованиями в прежних союзниках, которой были посвящены три предшествующих части тетралогии. Оглядываясь в прошлое, Тарханов осознает, что вина за утрату революционно настроенной молодежи каких бы то ни было нравственных опор лежит в том числе и на нем, ведь «отцы-народники», к которым он когда-то принадлежал, долгое время провоцировали народный бунт «именем царя и подложным манифестом» [Чириков, с. 522–523]. И хотя они делали это, как им казалось, для блага мужика, готовность использовать «недобросовестные средства» во имя добрых идей растлила душу молодого поколения, которое в итоге отвергло моральную доминанту предшественников — гуманизм и народолюбие. В результате Геннадий приходит к выводу, что все же именно он оказался тем духовным наставником сына, который воспитал в нем революционный экстремизм. Это умозаключение окончательно убеждает героя в провале своей писательской миссии, тем более что ему так и не удалось наладить диалог с народными массами, о чем свидетельствует трагикомический эпизод в середине романа.

Обитатели соседней с имением Тарханова деревни, расценив появление героя с семейством как стремление «господ» вернуть старые порядки и отобрать у них землю, буквально вынуждают его с домочадцами бежать из родного гнезда и «от того самого “народа”» [Чириков, с. 472], борьбе за счастье которого он отдал свои лучшие годы. Произшедшее заставляет Геннадия задуматься о причинах недоверия к нему мужиков, но ответа он так и не находит, поэтому герою остается лишь надеяться на то, что его детям удастся разрушить социально-культурные преграды, разделяющие народ и интеллигенцию. Тарханов верит, что они, честные и порядочные, неравнодушные к судьбе отчизны, найдут решение. Сам же он, потерпев полное поражение сначала на ниве политической борьбы, а затем в творчестве, предпочитает теперь более скромную роль обычного семьянина.

Это решение помогает персонажу преодолеть внутрисемейный раскол и прийти к взаимопониманию с молодежью, что находит отражение и на художественном уровне: Геннадий как бы уступает

авансцену своим детям, вокруг поступков и переживаний которых теперь сосредоточено повествование, а сам уходит «в тень», эпизодически появляясь в сюжетном действии. Желание и способность достичь согласия были особенно важны для самого Чирикова как свидетеля Гражданской войны, когда оказавшиеся по разные стороны классовых и идейных баррикад члены одной семьи в одиночку становились беспощадными гонителями и палачами близких, а потому художник безмерно дорожил миром и взаимопониманием в своей собственной семье.

Тем самым главный герой романа «Семья» незаметно для себя отказывается от диктуемого традиционной маскулинной идеологией стандарта мужского поведения, подразумевающего незначительную вовлеченность в семейные заботы и в воспитание детей по сравнению с профессиональной деятельностью. Чириков же в своей книге продемонстрировал, что сопричастность жизни детей, чуткость к их переживаниям и рефлексия над собственной родительской ролью естественны не только для женщин, но и для мужчин. Причем для последних подобная переориентация с самореализации в «макромире» на погружение в «микромир» семьи может стать подлинным спасением в условиях утраты привычных жизненных ориентиров и вызванного ею глубокого личного кризиса. Таким образом, писатель спорил не только с радикалами, которые начиная с 1860-х гг. призывали женщин освободиться от «семейных пут» во имя личной и материальной независимости и ратовали за полную ликвидацию института семьи в пользу свободной любви. Он возражал и консерваторам, видевшим в новых социальных процессах, расшатывающих «мужскую гегемонию», угрозу исконным, «естественным» устоям человеческой цивилизации, а потому призывавшим мужчин встать на защиту «традиционных ценностей», возврат к которым якобы позволит обществу вернуться в благополучное и безопасное прошлое. Но Чириков убедительно показал, что трансформация привычного мужского гендерного «амплуа» не несет с собой угрозы ни его носителям, ни социуму в целом и в перспективе может стать тем путем, который позволит человеческому сообществу разрешить многие болезненные проблемы в экономической и социально-политической сферах и противоречия в личных взаимоотношениях полов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

- Измайлов А.А.* Стоячая вода // Измайлов А.А. Пестрые знамена. Литературные портреты безвременья. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1913. 231 с.
- Колтоновская Е.А.* Е.Н. Чириков (К 25-летию его литературной деятельности) // Колтоновская Е.А. Критические этюды. СПб.: Просвещение, 1912. 292 с.
- Чириков Е.Н.* Жизнь Тарханова. Тетралогия: в 2 т. СПб.: Маматов, 2023. Т. 2: Романы «Возвращение» и «Семья». 608 с.

Исследования

- Воронина О.А.* Роль женщин в русской культуре: позиции мыслителей XIX в. // Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 102–118.
- Гончарова О.М.* Русская женщина 1860-х в «Зеркале» идей и литературы // Культура и текст. 2012. № 1. С. 44–53.
- Демидова О.Р., Потехина Е.А.* Гендерные модели в культуре, или О философии мужского и женского. СПб.: Русская культура, 2022. 174 с.
- Задворнова Ю.С.* Тенденции трансформации гендерных ролей в современной российской семье // Женщина в российском обществе. 2013. № 2 (67). С. 32–40.
- Иоффе Е.В.* Нормы маскулинности и сексуальность мужчин // Педагогика. Психология. Философия. 2017. № 3. С. 51–62.
- Кон И.С.* Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Гендерный калейдоскоп. М.: Academia, 2002 а. С. 188–208.
- Кон И.С.* Российский мужчина и его проблемы // Гендерный калейдоскоп. М.: Academia, 2002 б. С. 229–242.
- Михайлова М.В.* Еврейская тема в творчестве Е.Н. Чирикова и «чириковский инцидент» // Михайлова М.В., Назарова А.В. Запечатленная Россия. Статьи о творчестве Евгения Николаевича Чирикова. Open Science Publishing Raleigh, North Carolina, USA, 2018. С. 85–119.
- Михайлова М.В., Назарова А.В.* Нравственность, политика, любовь в судьбе русского писателя // Чириков Е.Н. Жизнь Тарханова. Тетралогия: в 2 т. Н. Новгород: Книги, 2022. Т. 1: Романы «Юность» и «Изгнание». С. 5–16.
- Михайлова М.В., Назарова А.В.* Трансформация героя и типа повествования в автобиографической тетралогии Е.Н. Чирикова «Жизнь Тарханова» // Литературное зарубежье как культурный феномен. Теория и история литературоведения. М.: ИНИОН РАН, 2019. С. 44–59.
- Пушкарева Н.Л.* Гендерная система советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012. № 5. С. 8–23.

Синельников А.С. Поощрение и наказание. Мужчина и патриархатная власть // Преображение (Русский феминистский журнал). 1997. № 5. С. 5–14.

Скорнякова С.С. История гендерного равноправия в России в советский период // Россия в глобальном мире. 2014. № 4. С. 232–243.

REFERENCES

Voronina, O.A. “Rol’ zhenshchin v russkoi kul’ture: pozitsii myslitelei XIX v.” [“The Role of Women in Russian Culture: the Positions of Thinkers of the 19th Century”]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, 2022, pp. 102–118. (In Russ.)

Goncharova, O.M. “Russkaia zhenshchina 1860-kh v ‘Zerkale’ idei i literatury” [“Russian Woman of the 1860s through the Prism of Ideas and Literature”]. *Kul’tura i tekst*, no. 1, 2012, pp. 44–53. (In Russ.)

Demidova, O.R., and E.A. Potekhina. *Gendernye modeli v kul’ture, ili O filosofii muzhskogo i zhenskogo* [Gender Models in Culture, or On the Philosophy of the Masculine and the Feminine]. St. Petersburg, Russkaia kul’tura Publ., 2022. 174 p. (In Russ.)

Zadvornova, Iu.S. “Tendentsii transformatsii gendernykh rolei v sovremennoi rossiiskoi sem’e” [“Tendencies of Transformation of Gender Roles in Modern Russian Family”]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2 (67), 2013, pp. 32–40. (In Russ.)

Ioffe, E.V. “Normy maskulinnosti i seksual’nost’ muzhchin” [“Norms of Masculinity and Sexuality of Men”]. *Pedagogika. Psikhologiya. Filosofiya*, no. 3, 2017, pp. 51–62. (In Russ.)

Kon, I.S. “Meniaiushchiesia muzhchiny v izmeniaiushchemsya mire” [“Changing Men in the Changing World”]. *Gendernyi kaleidoskop* [Gender Kaleidoscope]. Moscow, Academia Publ., 2002 a, pp. 188–208. (In Russ.)

Kon, I.S. “Rossiiskii muzhchina i ego problemy” [“The Russian Man and His Problems”]. *Gendernyi kaleidoskop* [Gender Kaleidoscope]. Moscow, Academia Publ., 2002 b, pp. 229–242. (In Russ.)

Mikhailova, M.V. “Evreiskaia tema v tvorchestve E.N. Chirikova i chirikovskii intsident’.” [“The Jewish Theme in the Works of E.N. Chirikov and The Chirikov’s Incident’.”] Mikhailova, M.V., and A.V. Nazarova. *Zapechatlennaiia Rossiia. Stat’i o tvorchestve Evgeniia Nikolaevicha Chirikova* [Captured Russia. Articles on the Work by Evgeny Nikolaevich Chirikov]. North Carolina, USA, Open Science Publishing Raleigh, 2018, pp. 85–119. (In Russ.)

Mikhailova, M.V., and A.V. Nazarova. “Nravstvennost’, politika, liubov’ v sud’be russkogo pisatel’ia” [“Morality, Politics, Love in the Fate of a Russian Writer”]. Chirikov, E.N. *Zhizn’ Tarkhanova. Tetralogiia: v 2 t.* [Tarkhanov’s Life. Tetralogy:

- in 2 vols.], vol. 1. Nizhniy Novgorod, Knigi Publ., 2022, pp. 5–16. (In Russ.)
- Mikhailova, M.V., and A.V. Nazarova. “Transformatsiia geroia i tipa povestvovaniia v avtobiograficheskoi tetralogii E.N. Chirikova ‘Zhizn’ Tarkhanova’.” [“Transformation of the Hero and the Type of Narrative in E.N. Chirikov’s Autobiographical Tetralogy ‘The Life of Tarkhanov’.”]. *Literaturnoe zarubezh’e kak kul’turnyi fenomen. Teoriia i istoriia literaturovedeniia* [Literary Abroad as a Cultural Phenomenon. Theory and History of Literary Criticism]. Moscow, INION RAS Publ., 2019, pp. 44–59. (In Russ.)
- Pushkareva, N.L. “Gendernaia sistema sovetskoï Rossii i sud’by rossiianok” [“The Gender System of Soviet Russia and the Fates of Russian Women”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 5, 2012, pp. 8–23. (In Russ.)
- Sinel’nikov, A.S. “Pooshchrenie i nakazanie. Muzhchina i patriarkhatnaia vlast’” [“Encouragement and Punishment. Man and Patriarchal Power”]. *Preobrazhenie (Russkii feministskii zhurnal)*, no. 5, 1997, pp. 5–14. (In Russ.)
- Skorniakova, S.S. “Istoriia gendernogo ravnopraviiia v Rossii v sovetskii period” [“History of Gender Equality in Russia during Soviet Period”]. *Rossiiia v global’nom mire*, no. 4, 2014, pp. 232–243. (In Russ.)